

Великій князь Николай Михайловичъ.

Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ
Лебцельтерна за 1816—1826 годы ¹⁾.

Только-что вышло изъ печати еще одно прекрасное и въ высокой степени интересное изданіе Великаго Князя Николая Михайловича, относящееся къ эпохѣ царствованія Александра I которую неутомимый изслѣдователь разрабатываетъ съ такою любовью. На этотъ разъ онъ знакомитъ насъ съ богатыми содержаніемъ донесеніями австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна, за время съ 1816 по 1826 годы, т.-е. въ послѣдніе годы царствованія Александра Благословеннаго.

Эти донесенія—„точные копіи съ оригиналовъ, находящихся въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ въ Вѣнѣ“, которые были предоставлены въ полное распоряженіе Великаго Князя, сперва покойнымъ графомъ Эренталемъ, а послѣ него преемникомъ его графомъ Берхтольдомъ.

„Въ донесенія включены очень интересные доклады за 1818 годъ австрійскихъ офицеровъ, принца Филиппа Гессенъ-Гомбургскаго и маіора Кламъ-Мартиница, командированныхъ въ Польшу для присутствованія на русскихъ маневрахъ, во время пребыванія въ Варшавѣ Императора Александра I“; въ томъ же томѣ находимъ частныя письма князя Меттерниха къ Лебцельтерну и письма послѣдняго къ Меттерниху. „Оригиналы, которые находятся во владѣніи внучки Лебцельтерна, графини

¹⁾ Великій князь Николай Михайловичъ. Донесенія посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна за 1816—1826. Спб. 1913 г.

де Коссэ-Бриссакъ“, также какъ и напечатанная въ предисловіи автобіографія Лебцельтерна, написаны по-французски, „такъ какъ Лебцельтернъ вовсе не умѣлъ писать по-нѣмецки и даже съ трудомъ объяснялся на этомъ языкѣ“.

Въ весьма содержательномъ и интересномъ предисловіи Великій Князь указываетъ на особенную цѣнность частныхъ писемъ Меттерниха къ Лебцельтерну, въ которыхъ руководитель австрійской политики „излагаетъ свои взгляды какъ на общую политику, на программу дѣйствій австрійскаго кабинета, такъ и на отдѣльныя личности и на людей вообще“ и даетъ яркія характеристики Императора Александра и его сотрудниковъ, какъ Каподистрія, Нессельроде, а также различныхъ русскихъ представителей нашей дипломатіи за границей“. Вообще, надобно сказать, что какъ автобіографія Лебцельтерна, такъ и прочіе документы, помѣщенные въ новомъ изданіи Великаго Князя Николая Михайловича, представляютъ собой историческій матеріалъ первостепенной важности и даютъ „много новыхъ данныхъ для освѣщенія политики Россіи и Австріи въ двадцатыхъ годахъ ХІХ столѣтія“. Прежде чѣмъ познакомиться съ донесеніями и перепиской австрійскаго посла, поскольку они имѣютъ отношеніе къ русской политикѣ начала прошлаго вѣка и ея руководителей за этотъ періодъ, остановимся на тѣхъ данныхъ, какія даетъ автобіографія Лебцельтерна для сужденія о личности этого дипломата, который въ теченіе десяти съ небольшимъ лѣтъ, проведенныхъ имъ Петербургѣ „оказался на высотѣ своего положенія и прекрасно служилъ интересамъ Австріи въ эту сложную эпоху, наступившую послѣ паденія Наполеона“, сумѣвъ въ то же время „создать себѣ вполне исключительное положеніе въ Петербургѣ, затмивъ даже счастливые дни довѣрія къ Коленкуру“.

В. Т.

Графъ Людвигъ Лебцельтернъ.

Будущій посланникъ при русскомъ дворѣ, графъ Лебцельтернъ, родился въ 1774 году въ Португаліи, гдѣ его отецъ былъ въ то время представителемъ Австріи и гдѣ онъ началъ, подъ руководствомъ отца, свою дипломатическую карьеру семнадцатилѣтнимъ юношей. Изъ Лиссабона онъ былъ переведенъ въ Мадридъ, а оттуда секретаремъ посольства въ Римъ, гдѣ ему впервые представился случай выказать свои способности. ко-

торыя были оцѣнены Меттернихомъ, назначившимъ его въ 1807 г. совѣтникомъ посольства въ Римѣ, постъ довольно значительный для молодого еще дипломата. Осенью 1810 г. Лебцельтернъ былъ назначенъ совѣтникомъ посольства въ Петербургъ; въ то время онъ былъ уже лично извѣстенъ Меттерниху, котораго сопровождалъ въ его поѣздкѣ въ Парижъ въ 1810 году; тамъ князь имѣлъ случай лично узнать и оцѣнить его выдающіяся дарованія.

Въ Петербургѣ, куда Лебцельтернъ прибылъ 5 февраля 1811 года, ему предстояло выполнить щекотливое порученіе: „завязать личныя сношенія съ Императоромъ Александромъ, помимо официальнаго представителя Австріи“, и его непосредственнаго начальника графа Сенъ-Жюльена, что ему удалось выполнить блестяще. Императоръ Александръ до своего отъѣзда въ Вильно обсуждалъ вмѣстѣ съ нимъ вопросы первостепенной политической важности. „Между Австріей и Франціей только-что былъ заключенъ союзный договоръ (14 марта 1812 г.). Война между Россіей и Франціей становилась неизбежной. „Мнѣ, говоритъ Лебцельтернъ въ своей автобіографіи, было приказано отправиться въ Вильно съ секретнымъ порученіемъ, исполненіе котораго (это мало кому извѣстно) обусловило большую часть побѣдъ, одержанныхъ русскимъ Императоромъ, такъ какъ онъ получилъ возможность бросить всѣ свои силы на непріятеля на ограниченномъ пространствѣ, обнаживъ границу имперіи на значительномъ протяженіи, зная, что его флангамъ не угрожало никакой опасности. Велики и неоцѣнимы были услуги, оказанныя въ тотъ моментъ легитимизму и освобожденію народовъ непоколебимой твердостью принциповъ императора Франца и реальностью и трезвостью расчетовъ главы австрійскаго кабинета“. Въ этихъ словахъ сказался весь Лебцельтернъ — преданный слуга своего монарха, ревностный исполнитель его предначертаній, и въ то же время искренній и восторженный поклонникъ Меттерниха, политическіе принципы котораго онъ прекрасно усвоилъ и неизмѣнно проводилъ въ своей дипломатической дѣятельности.

Пробывъ въ Вильно съ 14 мая по 3 іюня, гдѣ онъ велъ переговоры непосредственно съ самимъ Императоромъ Александромъ, Лебцельтернъ отправился въ Дрезденъ съ предложеніями отъ русскаго Государя къ Наполеону и съ важными политическими депешами. Изъ-за ошибки, оказавшейся въ его русскомъ паспортѣ, онъ былъ вынужденъ ѣхать чрезъ Брестъ-Литовскъ. Какъ только онъ очутился въ Польшѣ, онъ былъ

арестованъ и препровожденъ въ Варшаву. Въ это время Наполеонъ совершалъ переправу черезъ Нѣманъ во главѣ 420 тысячной арміи. Положеніе Лебцельтерна, везшаго депеши, которыя могли скомпрометтировать его правительство, было весьма затруднительно. Но онъ успѣлъ уничтожить всѣ находившіяся при немъ бумаги и только тогда, какъ онъ говоритъ, „вздохнулъ свободно“.

По возвращеніи въ Вѣну на Лебцельтерна была возложена роль посредника между австрійскимъ и русскимъ кабинетами; позднѣе, въ 1813 г., ему дано было еще одно весьма щекотливое порученіе отправиться въ Калишъ къ Императору Александру Павловичу съ порученіемъ предложить Александру посредничество Австріи; это былъ, какъ признаетъ Лебцельтернъ, очень ловкій шагъ со стороны Австріи, который давалъ ей возможность съ достоинствомъ нарушить свои обязательства и ставъ между воюющими державами взять на себя роль посредника, выгодную для своихъ интересовъ, а съ другой стороны выиграть время для реорганизациі арміи и устройства своихъ внутреннихъ дѣлъ. Во всякомъ случаѣ это давало Австріи возможность выбрать удобный моментъ, чтобы начать дѣйствовать, что вполнѣ согласовалось съ обычной системой дѣйствій Меттерниха—использовать событія наиболѣе выгоднымъ образомъ въ интересахъ Австріи.

Съ перваго же свиданія съ Императоромъ Александромъ въ Калишѣ, Лебцельтерну стало ясно, что хотя Государь и вѣрилъ миролюбивымъ и консервативнымъ взглядамъ императора Франца и готовъ былъ принять его посредничество, но онъ не довѣрялъ искренности предложеній австрійскаго правительства. Все время, пока Лебцельтернъ читалъ Государю привезенные имъ документы и инструкціи, Александръ „не спускалъ съ него глазъ“, какъ будто онъ хотѣлъ проникнуть его тайные помыслы“.

„Ваше министерство говоритъ о безграничномъ довѣрїи, съ какимъ мы должны отнестись къ нему, но гдѣ гарантіи его искренности“, спросилъ Императоръ и высказалъ откровенно, что ему не внушала довѣрїя медленность, съ какою дѣйствовала Австрія, и то обстоятельство, что она скрывала свои дальнѣйшія намѣренія. „Вы хотите, чтобы мы либо угадали ваши намѣренія, либо бросились въ ваши объятія, не зная ихъ“, продолжалъ Александръ; „потеря времени можетъ быть пагубна для Европы... участь войны и судьба Европы зависятъ отъ Австріи; она можетъ за-

ставить чашу вѣсовъ склониться въ ту или въ другую сторону, но она должна дѣйствовать безъ промедленія“¹⁾).

Побѣдить столь явное недовѣріе Императора Александра было очень трудно, но это удалось ловкому и энергичному австрійскому дипломату Меттерниховской школы; въ то же время онъ сумѣлъ заслужить явное расположеніе Императора Александра и приобрести его довѣріе настолько, что Государь тогда же, въ Калишѣ, выразилъ желаніе видѣть его въ Петербургѣ.

„Было бы трудно, говоритъ Лебцельтернъ, перечислить даже вкратцѣ тѣ многочисленные переговоры, въ коихъ я принималъ участіе въ то время, поѣздки, какія мнѣ пришлось совершить ради пользы службы, битвы, коихъ я былъ свидѣтелемъ. лишенія, какія мнѣ пришлось перенести. Приведу лишь нѣкоторые эпизоды этой дѣятельной жизни“. И онъ рассказываетъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ, въ высшей степени характерный для оцѣнки дипломатическихъ приемовъ Меттерниха. „Пріѣхавъ изъ Рейхенбаха²⁾ въ Гичинъ съ текстомъ секретнаго договора, выработаннаго во время моихъ переговоровъ съ русскими дипломатами и скрѣпленнаго подписью Стадіона, я узналъ, что въ то же время Меттернихъ добился того, что императоръ французовъ изъявилъ свое согласіе на посредничество Австріи и Меттернихъ обѣщаль ему склонить русской и прусской дворы дать свое согласіе на продолженіе перемирія. Положеніе было необычайно трудное; на совѣщаніяхъ въ Ратиборфѣ, гдѣ обсуждался вопросъ о перемирії, уполномоченные державы единогласно отказались отъ мысли, что ихъ монархи примутъ подобное предложеніе, вмѣсто ратификаціи Австріей договора, подписаннаго въ Рейхенбахѣ, которую они ожидали со дня на день. Стадіонъ предпочиталъ выйти въ отставку скорѣе, нежели взять на себя подобное порученіе. Я понималъ всю важность намѣреній главы нашего кабинета и отправился Рейхенбахъ одинъ, безъ бумагъ и инструкцій, полагаясь только на свои способности. Послѣ продолжительной и горячей бесѣды съ Императоромъ

¹⁾ Подробности этого разговора приведены въ депешахъ Лебцельтерна, не вошедшихъ въ рассматриваемое нами изданіе, а были помѣщены во II томѣ труда Великаго Князя Николая Михайловича: „Императоръ Александръ I, опытъ историческаго изслѣдованія“.

²⁾ Напомню, что 14-го іюня 1813 г. въ Рейхенбахѣ былъ заключенъ союзный договоръ между Россіей, Пруссіей и Англіей *противъ* Франціи, а 17-го іюня между тѣми же державами и Австріей. В. Т.

Александромъ, мнѣ удалось побѣдить его упорство и недовѣріе, и я вернулся на другой день въ Ратиборъ съ согласіемъ обоихъ монарховъ. Перемиріе было возобновлено 4 іюня“.

Прибавлять къ этому нечего; можно только сказать, что Лебцельтернъ былъ достойный ученикъ своего учителя.

Исполняя при Императорѣ Александрѣ I возложенныя на него дипломатическія порученія и играя одновременно какъ бы роль посредника между тремя главными квартирами, между которыми не всегда царило единодушіе, Лебцельтернъ проявилъ въ это время большую дѣятельность.

Послѣ Лейпцигской битвы онъ былъ посланъ въ Швейцарію, чтобы склонить ее вопреки объявленному нейтралитету не препятствовать вступленію въ страну арміи фельдмаршала князя Шварценберга. Въ результатѣ переговоровъ, происходившихъ между генераломъ Ватвилемъ и Лебцельтерномъ, австрійскія войска перешли швейцарскую границу, не встрѣтивъ сопротивленія. „Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ Лебцельтернъ, что этой арміи угрожала бы величайшая опасность, ежели бы, въ случаѣ ея вынужденнаго отступленія изъ Франціи, въ Швейцаріи произошли какія-нибудь волненія или она отнеслась бы враждебно къ появленію въ ея предѣлахъ иноземнаго войска“.

„Обстоятельства, при которыхъ мнѣ пришлось вести переговоры (въ Швейцаріи), говоритъ Лебцельтернъ, были особенно затруднительны въ виду того, что графъ Каподистрія руководствовался совершенно иными инструкціями, хотя на взглядъ мы какъ будто бы дѣйствовали вполнѣ согласно. У Императора Александра исторгли обѣщаніе, что онъ будетъ уважать нейтралитетъ Швейцарскаго союза; съ одной стороны онъ хотѣлъ продолжать войну съ Франціей, съ другой—не хотѣлъ прибѣгнуть къ единственному возможному средству, чтобы вступить въ эту страну“.

„Чтобы понять всю трудность положенія, въ какомъ я находился всѣ девять мѣсяцевъ, которые продолжались переговоры, и какъ мнѣ приходилось дѣйствовать, надобно знать, съ одной стороны, какъ разнo смотрѣли на Швейцарію Императоръ Александръ и его союзники, а съ другой,—надобно принять во вниманіе состояніе умовъ въ Швейцаріи, гдѣ каждый изъ девятнадцати самостоятельныхъ кантоновъ преслѣдуетъ свои собственные интересы, и надобно понять, какое раздраженіе существуетъ между аристократическими и демократическими элементами этой страны, между католиками и протестантами, и къ какимъ это влечетъ столкновеніямъ“.

Результатомъ успѣшной дѣятельности Лебцельтерна и благопріятнаго впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на Императора Александра I во время пребыванія въ Калишѣ, было то, что послѣ кратковременнаго пребыванія его посланникомъ при Ватиканѣ (съ 1814 г.), гдѣ его очень цѣнилъ папа Пій VII, онъ „уже въ 1816 г. (31 марта) былъ переведенъ, по личному настоянію русскаго Государя, посланникомъ въ Петербургъ“, гдѣ пробылъ десять слишкомъ лѣтъ. За этотъ долгій періодъ онъ принималъ участіе въ многочисленныхъ дипломатическихъ переговорахъ и участвовалъ въ работахъ конгрессовъ, происходившихъ въ Ахенѣ, Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ; его подписью скрѣплены многочисленные договоры, заключенные за эти годы.

Въ 1823 году Лебцельтернъ вступилъ въ бракъ съ графиней Зинаидой Лаваль, сестра которой была замужемъ за княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ.

„Меттернихъ нашелъ („vortheilhaft“) *выгоднымъ* для интересовъ Австріи бракъ Лебцельтерна съ графиней Лаваль и вступленіе посла въ родственныя связи съ высшимъ Петербургскимъ обществомъ. Наградой за этотъ бракъ было пожалованіе ему, графскаго титула“, который, по мнѣнію Меттерниха, долженъ былъ дать ему болѣе почетное положеніе въ русскомъ обществѣ. Этотъ разъ предвидѣніе обмануло Меттерниха, ибо два года спустя родственныя отношенія къ семейству Лаваль, какъ увидимъ дальше, погубили карьеру Лебцельтерна.

Годы своего пребыванія въ Петербургѣ (1816 — 1824) Лебцельтернъ характеризуетъ какъ эпоху „искренняго полнаго довѣрія, существовавшаго между двумя императорскими дворами—рѣдкій примѣръ въ исторіи европейской дипломатіи“. „Между тѣмъ, говоритъ Лебцельтернъ въ 1825 году, Императоръ Александръ, встревоженный обнаруженнымъ заговоромъ, въ которомъ оказались замѣшанными нѣкоторыя высокопоставленныя лица въ Россіи и за границей, поддался снова былому недовѣрію въ Австріи; происки недоброжелателей и завистниковъ за границей, коварныя статьи Парижскихъ газетъ, направленныя противъ вліянія вѣнскаго кабинета и старавшіяся подорвать довѣріе, какимъ пользовался его представитель въ Петербургѣ, бурныя совѣщанія, происходившія въ 1825 г. по поводу угрожавшихъ опасностью осложненій на востокѣ, тайное сближеніе русскаго кабинета съ кабинетомъ Каннинга, множество фактовъ, свидѣтельствовавшихъ о существованіи извѣстнаго соглашенія между французскими и русскими

революціонерами, планъ которыхъ состоялъ въ томъ, чтобы задѣть національное самолюбіе русскихъ, указавъ на то, что Императоромъ Александромъ руководитъ иностранный кабинетъ въ ущербъ національнымъ интересамъ Россіи и нѣкоторыя другія прискорбныя обстоятельства, о коихъ я не буду говорить, пошатнули мое положеніе какъ *посланника*, но—такъ велики были сила привычки и вѣра въ правдивость и искренность моихъ словъ, что мое *личное положеніе* не пошатнулось. И я стоялъ непоколебимо среди развалинъ зданія, воздвигнутаго моими трудами и которое я охранялъ такъ бережно и старательно“.

„Подъ самый конецъ столь блестящаго пребыванія Лебцельтерна въ столицѣ Россіи, случилось событіе, которое окончательно подорвало его положеніе на берегахъ Невы“. 14 декабря 1825 года, князь Сергѣй Трубецкой, зять Лебцельтерна, женатый, какъ мы знаемъ, на другой сестрѣ Лаваль, спасаясь отъ заслуженнаго преслѣдованія, скрылся въ австрійскомъ посольствѣ, у своего зятя, былъ вскорѣ обнаруженъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость“.

„Принималъ ли Лебцельтернъ какое-либо активное участіе въ событіяхъ 14 декабря, намъ не удалось выяснить“, говоритъ Великій Князь Николай Михайловичъ; „нигдѣ нѣтъ даже намекъ на вмѣшательство австрійцевъ въ замыслы декабристовъ“, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что австрійскій представитель былъ хорошо освѣдомленъ о заговорѣ; какъ бы то ни было, „послѣ столь неожиданнаго для него сюрприза, положеніе Лебцельтерна стало невозможнымъ въ Петербургѣ, и онъ былъ отозванъ изъ Россіи“.

Императоръ Николай, въ моментъ вступленія на престолъ предубѣжденный противъ Лебцельтерна, измѣнилъ на него свой взглядъ по мѣрѣ того, какъ выяснялась истина событій, и отнесся къ нему милостиво, пожаловалъ ему при его отъѣздѣ даже знаки ордена св. Александра Невскаго.

По отъѣздѣ изъ Петербурга, Лебцельтернъ былъ назначенъ „на постъ посланника въ Неаполѣ“, на которомъ онъ оставался 18 лѣтъ, до 1844 года, когда онъ вышелъ въ отставку, но продолжалъ жить въ Неаполѣ до своей кончины, послѣдовавшей въ 1854 году.

Т.

